

СМЕРШ —
спецназ Сталина

ПОСЫЛКА ДЛЯ ГЕНЕРАЛА

Александр Тамоников

СМЕРШ – спецназ Сталина

Александр Тамоников
Посылка для генерала

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Посылка для генерала / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2022 — (СМЕРШ – спецназ Сталина)

ISBN 978-5-04-169132-5

Самые интересные романы о сталинском спецназе — СМЕРШе. 1943 год. Накануне операции под Курском советское командование готовит отвлекающий рейд по тылам противника. Задачу должен выполнить механизированный корпус генерала Максимова. Накануне операции наши разведчики перехватывают контейнер с немецкими документами, подготовленными на имя Максимова. Что это — умелая провокация или генерал действительно предатель? Разобраться в ситуации поручено группе СМЕРШ майора Ивана Бурова. Оперативники прибывают на место в тот момент, когда странным образом из окружения опального генерала исчезают несколько офицеров... «Смерть шпионам!» (СМЕРШ) — это короткое и беспощадное название носило особое подразделение НКВД, подчинявшееся И. Сталину. Созданное в годы войны, оно состояло из проверенных в бою, честных и бесстрашных офицеров Красной Армии. СМЕРШа боялись все — и фашистские лазутчики, готовящие диверсии в наших боевых порядках, и гитлеровские приспешники, действующие в глубоком советском тылу. Враг знал: если на его след напали бойцы сталинского спецназа, справедливого и скорого суда не избежать.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-169132-5

© Тамоников А. А., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Тамоников

Посылка для генерала

© Тамоников А.А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Глава 1

Партизанский отряд «За Родину» потерял за две недели больше половины своих бойцов. Карательные операции фашистов следовали одна за другой. Две базы отряда в лесах на Орловщине были разгромлены. Партизаны спали на земле, голодали. Зайти в любое село означало подвергнуть его жителей смертельной опасности. Каратели убивали всех, сжигали дома при малейшем подозрении, что жители помогали партизанам. В леса фашисты бросили не только свои регулярные части, но и отряды украинских националистов. И зачастую те вели себя более жестоко, чем немцы. Волна зверских расправ прокатилась по партизанским районам.

Почти постоянно в небе, если позволяли погодные условия, висели немецкие самолеты-разведчики. Двигаться приходилось ночами. Вчера отряд выдержал многочасовой бой с карателями, уничтожив более роты автоматчиков, и вырвался из плотного кольца оккупантов.

Командир отряда Никифор Свиридов подгонял своих бойцов, подбадривал раненых. Потеряв руку во время боев еще в 1919 году, Свиридов в первый же день фашистского нападения на Советский Союз пришел в военкомат и попросил направить его хотя бы на инструкторскую работу. А когда враг подошел к Орловщине, Никифор начал собирать партизанский отряд, создавать в лесах военные базы. Сейчас, осунувшийся, небритый, он то шел впереди отряда, то пропускал мимо себя колонну, всматриваясь в лица смертельно уставших партизан. Главное – не терять силу духа, понимал командир.

Многие мужики были из этих мест, куда сейчас выходил отряд. Из этих сел. Многие тревожились за своих родных и близких.

Когда справа над лесом стал заметен черный смолистый дым, к Никифору подбежали двое молодых бойцов – два брата Симоненко.

– Никифор, – старший брат Степан схватил Свиридова за локоть, – там наше село Новоникольское горит!

– Нельзя, хлопцы, – покачал головой командир. – Сами же знаете, что нельзя нам! Остановитесь, Степан, Пантелей!

– А на кой черт мы вообще воюем? – заорал младший Симоненко и сорвал с плеча автомат. – Баб, детишек своих, матерей защищать собрались, а что получается?

– Вы в отряд вступили, значит, должны соблюдать приказы, – нахмурился Никифор, понимая, что накалилось у ребят внутри ненавистью до такой степени: спичку поднеси – и загорится.

– Внутри у меня приказ! – Степан рванул рубаху так, что полетели пуговицы. – И у Пантюхи тоже! За свой двор, за родных своих сражаться пошли, так что не гневи бога, командир! Не жить нам, если с ними что случилось. Незачем!

Отряд остановился, слушая горячий разговор братьев с командиром. Никто не вмешивался, никто не проронил ни слова, понимали, что творится у ребят в душе. Старик-отец, больная мать. У старшего брата там жена, у младшего – невеста. У многих в душе было так же темно, у многих сердце сейчас было переполнено болью. Бойцы садились на привал, снимали с плеч тяжелые ящики с боеприпасами. А Степан и Пантелей Симоненко уходили через лес в сторону горевшего села.

Трое бойцов из тех, кто пришел в отряд еще осенью 1941 года, собрались возле командира.

– Пропадут Симоненко, – угрюмо сказал один из ветеранов.

– Негоже так, Никифор. Сколько раз вместе смерти в глаза смотрели. Так и отпустим?

Командир посмотрел вслед братьям, которые уже скрылись за деревьями. Правы старые товарищи, ох, правы. Не все решается простой арифметикой, холодным приказом. Да только и о других думать должен командир, о тех, кто с ним рядом, с кем еще воевать и воевать.

И Москва требует активных действий, Центральный штаб партизанского движения помогал и оружием, и снаряжением. А тут такое происходит. По всем лесам гитлеровцы взялись зверствовать. Ни с чем не считаются: ни с потерями, ни с трудностями. От Орла и Курска до Брянска и Смоленска идут жаркие партизанские бои с врагом.

Никифор приказал отряду отдыхать, выставить охранение, а сам с десятком партизан двинулся лесом к селу. Стрельбы не было слышно, и от этого все тягостнее становилось на душе.

На опушке партизаны остановились. Некогда утопавшее в зелени садов село почернело от гари и дыма. Много хат сгорело дотла, на их месте сейчас торчали черные печные трубы, валялись обугленные бревна. Поникшие яблони с потемневшей листвой, изрытые гусеницами военной техники улицы, поваленные заборы и оторванные калитки. В переулке и на околице валялось несколько пристреленных собак. И – ни одной живой человеческой души, ни крика птицы, ни голоса домашнего животного.

Перебегая от дома к дому, от забора к забору, партизаны двинулись через село, поглядывая по сторонам, чутко прислушиваясь. Кругом гробовая тишина...

Братьев Симоненко нашли у одного из домов. Они стояли, опустив головы. По щекам молодых сильных парней катились слезы. Беззвучно. Ходили ходуном побелевшие желваки.

Никифор подошел ближе, от увиденного у него похолодело внутри. Это была обычная картофельная яма. Многие в селах так хранили заготовленный на зиму картофель. Сейчас в ней лежали изуродованные тела женщин и детей. Опытные бойцы сразу поняли, что тут происходило. Жители села прятались в этих ямах от карателей, но те находили их. Бросали в ямы гранаты и шли дальше.

Партизаны разошлись по селу. Каратели давно ушли, живых в селе никого не осталось. В домах лежали тела, прошитые автоматными очередями, во дворах валялись убитые собаки. Два мертвых старика с вилами в руках. Видимо, в отчаянии хотели защитить свои дома, но были безжалостно застрелены.

– Никифор, следы от колес ведут в сторону Алексеевки, – раздался голос Степана Симоненко. Братья все еще стояли спокойные и мрачные. – Если напрямки через болото, можно поспеть. Мы вдвоем пойдём.

– Степа, – командир покачал головой, глядя в почерневшие, безжизненные глаза парней и ужасаясь тому, что не видит в них ничего, кроме смерти. – Степа, Пантюша, негоже так. Жить надо, бить врага надо.

– Прощайте, хлопцы, – Степан повернулся и пошел через село к лесу. За ним, молча забросив автомат на плечо, двинулся Пантелей.

Свиридов долго смотрел вслед ребятам, потом обвел взглядом уничтоженное село и проговорил:

– За все, гады, ответить придется – за смерти женщин и детей, за сожженные дома, за порушенное счастье народа! За все. Придем мы к вам и тогда посчитаемся. Ох, тяжело же вам будет, ох, тяжело...

Братья Симоненко хорошо знали окрестности. Хорошо знали и болото, которое на картах было помечено как непроходимое. Мокрые по пояс, они выбрались на сухое и принялись стягивать сапоги, выливать из них воду, отжимать портянки. И вдруг услышали стрельбу – били из немецких «Шмайсеров». Не сговариваясь, оба быстро натянули обувь, схватили автоматы и побежали через чахлый лесок в сторону села.

У самой околицы уже слышны были крики, выли бабы, сухо били автоматные очереди, лай собак превращался в истошный скулеж. Потянуло гарью, в нескольких местах в небо взметнулись огненные языки.

Пантелей бросился к крайней хате, буквально у входа во двор столкнулся с дюжим немецким солдатом. Сильным ударом партизан отбросил в сторону направленный на него ствол

«Шмайсера» и схватил немца за горло. Они упали на землю, борьба была недолгой. Симоненко с такой силой сжал горло врага, что шейные позвонки хрустнули, лицо фашиста покраснело, он задергался и вскоре затих. Поднявшись на негнущихся от напряжения ногах, партизан пошел к дереву, где на сучке висело окровавленное детское тельце, подвешенное за рубашонку. Обезумевшими глазами Пантелей долго смотрел на мертвого младенца, потом снял его с дерева и осторожно положил на траву.

Попятился, ощупывая себя: гранаты в кармане, запасные магазины к автомату, нож на поясе в ножнах. Он вышел со двора и пошел по улице. Немцев было много. Они сновали из двора во двор, стреляли, тащили за рога коров, ловили свиней и кур.

И тогда партизан начал поливать свинцом. Хладнокровно, короткими очередями он расстреливал опешивших от неожиданности фашистов. Менял опустевшие магазины и снова стрелял.

Пуля попала ему в руку чуть выше локтя, Пантелей поморщился от жгучей боли и достал гранаты. Одна полетела во двор, где разметала несколько солдат, вторая – вдоль улицы. Третью гранату Пантелей бросить не успел. Пули прошли грудь, он повалился лицом в дорожную пыль. Пальцы разжались, и граната покатила по дороге.

Подбежавшие немецкие солдаты слишком поздно ее заметили. Даже мертвый, Пантелей Симоненко продолжал убивать врагов.

Степан прожил немного дольше брата. Расстреляв все патроны и разбросав гранаты, он взобрался в бронетранспортер, отпихнул ногой убитого немца и развернул на врага пулемет. Степан уже расстрелял почти всю ленту, когда пуля угодила ему в лицо.

А вдоль улицы валялись сраженные им враги. Много врагов.

Машенька была удивительной девушкой. Митьков это понял сразу, едва только впервые столкнулся с ней в метро на эскалаторе. Он, как всегда, торопился, сбегал по ступеням вниз, когда девушка в ярком желтом берете вдруг выронила книжки прямо ему под ноги.

– Ой, простите, – галантно воскликнул Митьков и наклонился помочь.

Александр Блок, сказки Пушкина... Он с трепетом поднял книги и протянул девушке, взглянув в ее глаза цвета глубокой бездонной синевы. Даже налет легкого негодования в ответном взгляде не смутил молодого человека.

– Поэзия? В такое время? – улыбнулся Митьков.

– Для поэзии, для настоящей литературы всегда подходящее время, – строго заметила девушка, окинув взглядом высокого, стройного, симпатичного молодого человека. – Вы же не хотите сказать, что Блок или Пушкин неуместны в военное время?

Они встретились на следующий вечер и долго гуляли по Александровскому саду. Машенька оказалась учительницей и очень хорошо умела рассказывать. Митьков слушал ее голос, улыбался вдохновенным интонациям и украдкой любовался девичьим профилем. А потом был еще вечер вместе, и еще. И эта поездка на Воронцовские пруды. Май был просто удивительным, теплым и ярким. Казалось, что война далеко-далеко и что в столицу вернулась прежняя мирная жизнь. И только аэростаты и прожекторы в ночном небе, только очереди у хлебных магазинов и ночные патрули напоминали, что до мира еще далеко.

Они шли по темной улице, Митьков накинул пиджак на плечи Машеньки. А в переулке, где было совсем темно, девушка вдруг испуганно прижалась к своему спутнику. И это было так мило, доверчиво и непосредственно, что Митьков сразу расправил плечи, почувствовав себя защитником и опорой. Он остановился, прошептал что-то успокаивающее. А потом прижал девушку к кирпичной стене темной подворотни и стал целовать – нежно и осторожно, как будто боялся вспугнуть ее чувства, как боятся вспугнуть птенца, пушистого и еще не оперившегося.

– Ой, кто это?

Машенька оторвалась от горячих губ Митькова и, вцепившись в его рубашку, тревожно посмотрела куда-то в сторону.

– Ну что ты, глупая, – тихо засмеялся Митьков, прислушиваясь к голосам. – Не бойся! Голоса были мужские, и интонации были знакомые. Блатной говорок, словечки «по фене». Где-то совсем рядом.

Митьков разглядел неподалеку отдушину подвала – небольшая труба с решеткой у разрушенной стены. То, что он услышал, заставило нахмуриться и сжаться в комок. Банда, явно немаленькая, намеревалась грабить какой-то магазин или склад. Бандиты ждали машину, на которой должны были ехать на место.

Сколько их там? Митьков отстранился от девушки и стал прислушиваться. Машенька удивленно и немного обиженно смотрела на молодого человека.

– Сивый, – властно прозвучал в подвале голос, похоже, главаря. – Ты с Хрипатым из машины носа не кажи, пока шухер не начнется или пока я сам не махну тебе рукой, тогда подъезжай. Если мусора нагрянут, отвлечешь, как я говорил. Машину – в сторону Покровского монастыря, сами рвете на хазу, и ни звука там. Мухомор, тебе на шухере стоять возле артельной мастерской. Не забудь бутылку веселую! Чуть что – артельщикам в окно. Полыхнет так – всей Таганке светло будет. Не до нас мусорам станет!

– Покровский монастырь, – прошептал Митьков. – Таганка... Точно, есть там артельная мастерская! Столярничают мужики, мебель делают, утварь разную. Там опилок и стружки и правда столько, что вывозить не успевают. Если мастерскую подожгут, сгорит половина улицы. Значит, грабить будут универмаг на Таганке. Угол Таганской и Ванюшинского переулка. Голос главаря знакомый. Хотя все они, уголовники, похожи.

– Ты что? – Машенька попыталась вырваться из рук молодого человека, но Митьков взял ее за плечи и чуть встряхнул.

– Маша, слушай меня, – строго заговорил Митьков. – Слушай и сделай, как я прошу. Иначе люди погибнут! Понимаешь?

– Не понимаю! О чем ты?

– Голоса вон оттуда, ты же сама слышала. Бандиты там. Нападение готовят на универмаг. Они не церемонятся. Убьют сторожа, постового милиционера, любого свидетеля зарежут, лишь бы концы спрятать и скрыться. Помоги мне, Машенька, прошу тебя!

– О господи! – испуганно прошептала девушка и побледнела. Это было заметно даже в темноте.

– Маша, беги, милая! – торопливо зашептал Митьков. – Два квартала отсюда – там отделение милиции. Скажи, что сама слышала: мол, бандиты в подвале совещаются, собираются ограбить универмаг на углу Таганки и Ванюшинского. Сюда, скажи, пусть не едут, сразу мчатся на перехват.

– А ты? – глаза девушки блеснули в темноте тревогой.

– Задержу, сделаю, что смогу. Да беги же ты!

Машенька кивнула, решительно вытерла слезы и исчезла за углом дома.

Через какое-то время послышался рокот полуторки. Поскрипывал расшатанный кузов.

«Все, сейчас они сядут в машину и уедут. Правильно я решил, что сюда милицию звать бесполезно, – с удовлетворением подумал Митьков. – Не успеть им. А как успеть мне? Пустая улица, темная подворотня. И нигде не спрятаться. Даже за машину тайком не подцепиться, потому что в кузове тоже будут бандиты. Многовато их – судя по голосам, человек шесть или восемь».

Выход один – рискнуть. Есть шанс, что не захотят бандиты шум поднимать. Лишь бы поверили, что он свой!

Где-то рядом в подвале затопали по деревянной лестнице сапоги. Банда поднималась вверх, к машине.

Митьков достал из внутреннего кармана пиджака удостоверение личности и сунул его за голенище сапога. Затем вытащил из-за ремня пистолет и взвел курок. Выйдя из подворотни на ночную улицу, осмотрелся. Ни прохожих, ни машин. И небо на горизонте светлеет.

Обойдя машину со стороны проезжей части, Митьков рывком открыл дверь водителя. Щуплый остроносый парень, в замызганной кепке, с трехдневной неопрятной щетиной, уже держал в руке монтировку – заметил чужака в зеркале. Но когда в лицо ему глянуло дуло «ТТ», замер и прошептал непослушными губами:

– Ты чего, землячок? Попутал меня с кем?

– Мои землячки далеко, – процедил сквозь зубы Митьков, копируя блатную манеру. – Рыпнешься – дырку в лобешнике сделаю. Заводи свой примус. На базары времени нет.

И тут водитель, бросив быстрый взгляд за его спину, расплылся в ехидной ухмылочке. Митьков понял: случилось то, чего он опасался.

– А придется побазарить, фраерок, – заявил остроносый, поигрывая монтировкой.

– Слышь, малой, – раздался за спиной Митькова голос главаря, – «вольну» опусти и спускайся на землю грешную. Только медленно.

В бок Митькову уперлось что-то твердое: не то ствол пистолета, не то заточка. Пришлось спускаться с подножки задом, да еще держать поднятыми руки. Чьи-то пальцы бесцеремонно выхватили у Митькова пистолет. Он медленно повернулся, улыбаясь во весь рот и шевеля пальцами над головой, демонстрируя, что оружия у него больше нет и вообще настроен он миролюбиво.

– Это была шутка, – ехидно произнес Митьков. – Шучу я так, когда не спится. Особенно когда уголовка за пятки хватает.

– А я смотрю, ты фраерок веселый, – беззлобно усмехнулся главарь. – А чем же ты уголовке насолил? Пошутил неудачно? Ну-ка, обзовись!

– Я смотрю, тут все хозяйские, – Митьков медленно опустил руки и глянул на главаря. – А ты у них бугор. Короче, по малолетке меня на пересылке в Иркутске Занозой нарекли. Вторая ходка в Якутии была. Надоело мне в тайге среди снегов, вот решил пошустрить в Москве да свалить на Волгу. Там спокойнее, там у меня корешки остались. Я тут проездом, так что не судите строго: вляпался по самые уши. Двум операм дырки сделал, когда с «малины» срывался. Теперь мне уж не до рыжья и не до хабара. Поможете? Если что, я с вами могу.

– Красиво поешь, Заноза, – покачал головой главарь и кивнул своим. – Возьмите его с собой в кузов и глаз не спускайте. Посмотрим, что за человек, спросим людей знающих. А там решим, что с тобой делать. Или в дело сгодишься, или на перо – и в прорубь.

Это был тот самый исход, на который Митьков и рассчитывал. Хорошо зная уголовный мир, он и не рассчитывал, что ему поверят сразу. И убивать его умный главарь не станет, хоть и не поверит сразу ни одному слову. Если незнакомец не врет, если он и правда мусорской кровушкой попачкался, ему в ментовке не жить, а так – будет послушным исполнителем на самых низших и опасных ролях в банде. Повязан этот Заноза, крепко повязан. Такого до поры беречь надо. Очень может пригодиться.

Митьков позволил бесцеремонно втащить себя в кузов полуторки и затих под рваным брезентом у самой кабины. Заработал мотор, машина тронулась.

Митьков прикидывал: разговор с бандитами занял у него минут пять. С того момента, как убежала Машенька, прошло минут десять. Как раз хватит добежать до ближайшего отделения милиции. До универсама по безлюдным улицам машина доедет минут за пятнадцать. Тем более что комендантский час уже закончился. Успеет опергруппа доехать за пятнадцать минут с Петровки до Таганки? Никак не успеет. Сообщат в районное отделение. Но пара милиционеров из районного отделения, которые прибегут на место, задачи не решат. Значит, надо действовать самому!

Бандит со шрамом на лице сидел напротив Митькова, поставив между ног трофейный немецкий автомат. Он вытащил из кармана «ТТ», который отобрал у Митькова, и стал его рассматривать.

– А «волына» у тебя ухоженная. Блестит, как у кота яйца. А может, ты из уголовки, это твой служебный, а?

– Хозяин был аккуратный, – цинично усмехнулся Митьков. – Когда помирал, просил беречь и ухаживать, как за своей любимой.

Произнеся это, он бросил взгляд на бандита и отвернулся. Митьков давно, года три назад, заметил у братвы такие вот характерные взгляды, которые порой говорят о человеке больше, чем слова, чем его одежда или манеры. Нет в тебе стержня стального, и как ты ни тужься, без труда разглядят в тебе бесхребетного, куклу тряпичную. А можно так глянуть, что у собеседника невольно холодок по спине побежит. Поймет он спинным мозгом, шестым чувством, интуицией своей извращенной поймет, что перед ним человек, для которого ничего святого не существует, что для своей выгоды предаст он кого угодно, продаст, финку в спину вгонит и не поморщится. Именно таким натренированным взглядом и одарил бандита Митьков, тут же отвернулся и стал разглядывать посветлевшую улицу в прореху брезента.

Стараясь не выдавать своего интереса к происходящему снаружи, Митьков прикидывал, где они сейчас едут и далеко ли до цели. И так, в кабине двое. Тот самый водитель с монтировкой и главарь. В кузове еще четверо. Причем трое с немцами «Шмайсерами», и у каждого за ремнем еще и по пистолету. Глаза с прищуром, на пальцах наколки. Все тертые ребята, крови на каждом немерено. Это чувствуется. Да, огневая мощь у банды приличная, хорошо подготовились. Значит, церемониться не будут.

Митьков потянулся и демонстративно зевнул. Бандит со шрамом, не сводивший с него глаз, спросил:

– Не выспался, шкет?

– Я тебе не шкет, – огрызнулся Митьков. – Не выспался! Я две ночи на ногах, мне в уголовку никак нельзя. Хорошо, вас встретил. Только вот не получилось бы из огня да в полымя.

– А это уж как выйдет, – заржал бандит, широко раскрыв рот и блеснув золотым зубом. «Пора», – решил Митьков.

Поймав момент, когда сидевший перед ним бандит меньше всего ожидал нападения, он ударил его костяшками пальцев точно в кадык. Что-то хрустнуло, бандит захлебнулся кашлем, схватился за горло. Пистолет выпал из его рук и отлетел в сторону.

Митьков чертыхнулся от такой неудачи, заметив, как ближайший к нему бандит дернул затвор автомата. В этот прыжок Митьков вложил все свои силы: оттолкнувшись ногами от шатких досок кузова, он успел перехватить руку бандита, ударить его локтем в лицо и стиснуть рукой его пальцы на автомате. Короткий рывок стволом, и автоматная очередь прорезала тишину раннего московского утра. Сильный удар локтем в лицо бандиту, который пытался вырвать автомат из рук Митькова, и грянула вторая очередь. Две пули в грудь, одна в голову свалили еще одного противника.

Теперь Митьков боролся один на один. Нужно было заканчивать, сейчас остановится машина, и он окажется в кузове как на ладони. Главарь, не размышляя, прошьет брезент автоматными очередями и скроется во дворах.

Зарывав от напряжения, Митьков освободил правую руку и ударил бандита пальцами в глаза. От боли и неожиданности тот ослабил хватку. Выбив из его рук автомат, Митьков перехватил противника за голову и коротким рывком с поворотом сломал ему шею.

В этот момент машина резко остановилась. Подхватив с пола свой пистолет, Митьков одним движением перепрыгнул через задний борт и мягко, почти беззвучно приземлился на землю. В следующий миг скользнул тенью под днище автомобиля.

Беглого взгляда вокруг было достаточно, чтобы понять, что их полторка остановилась в квартале от универмага. А еще в соседнем дворе Митьков успел разглядеть бородатое лицо дворника. Хорошо, дворник наверняка позвонит в милицию. Только бы продержаться, пока не приедет помощь! Черт, трупов многовато, нужно же кого-то и живым взять. Судить таких надо!

Митьков не стал ждать, как поступит главарь. Наверное, отойдет подальше и заставит водителя заглянуть под брезент. Но тогда, отойдя от полторки на несколько шагов, он увидит человека под колесами. Вариантов практически не было. Выругавшись нехорошими словами, Митьков выкатился из-под машины, ударив главаря по ногам. Водитель с пистолетом в руке отпрянул в сторону, но Митьков успел дважды выстрелить в него, потом схватил упавшего главаря за руку, в которой тот стискивал наган.

– Сука, – прохрипел бандит, борясь с молодым сильным противником, – надо было тебя сразу на перо посадить!

– Поздно теперь об этом говорить, – прорычал Митьков и с силой ударил лбом в лицо бандита.

Рука, державшая револьвер, ослабла. Еще после двух ударов кулак разжался, и наган глухо стукнулся о мостовую. Митьков с усилием вывернул главарю руку, перевернул его на живот и навалился сверху всем телом. И только теперь расслышал треск мотоциклетных двигателей.

– А ну, не двигаться никому! – раздался совсем рядом молодой голос. – Милиция! Буду стрелять!

Подъехали, кажется, три мотоцикла, затопали сапоги. Продолжая сжимать бандита, Митьков поднял голову и увидел перед собой вооруженных автоматами и винтовками милиционеров. «Ну, теперь полный порядок, – подумал Митьков и мысленно усмехнулся. – А парень-то переволновался. Ну как можно отдавать такие приказы – не шевелиться?»

– Вставать-то можно? – громко спросил он милиционера и, не дожидаясь ответа, начал подниматься.

Два подбежавших сотрудника милиции быстро обыскали Митькова, затем подняли на ноги главаря. Еще один заглянул в кузов и присвистнул от удивления:

– Товарищ участковый, тут три трупа! Друг друга постреляли. Видать, что-то не поделили.

– Разберемся! – пообещал молодой милиционер. – Сейчас бригада из МУРа приедет, всех на чистую воду выведем. Рожи бандитские! Оружия-то сколько! И все фашистское!

– Лейтенант, – негромко сказал Митьков, – у меня удостоверение личности в сапоге. Разреши предъявить? Я старший лейтенант Митьков из Главного управления контрразведки Смерш.

– Смерш? – Лейтенант сдвинул на затылок фуражку и вытер потный лоб тыльной стороной ладони. – Ну, предъяви... предъявите...

– Так точно, Смерш, – ответил Митьков, вытягивая из-за голенища красную книжечку и разворачивая ее перед участковым. – Эта банда намеревалась ограбить универмаг на Таганке. Я случайно подслушал их разговор, пришлось вмешаться. Не было возможности позвонить. Такая ситуация – торопиться надо было. Этот у них – главарь.

Генерал Максимов, сидя за столом над картой своего участка обороны, подкрутил фитилек в керосиновой лампе, затем опустил голову на сложенные руки. Нет, надо хоть немного подремать, хотя бы минут пятнадцать. Совсем глаза закрываются.

Игорь Викентьевич знал за собой такую особенность: иногда, в минуты крайней усталости, ему хватало совсем небольшого отрезка времени, чтобы восстановить ясность мышления, прогнать сонливость.

Закрыв глаза, генерал стал думать о жене, о довоенной квартире в Москве, в которой за последние годы так редко приходилось ему бывать. Всю жизнь Игорю Викентьевичу не хватало

настоящего домашнего уюта, какой могла устроить его мама. И жена, военврач, которая делила с мужем все тяготы военной жизни, тоже скучала по домашнему уюту. Но оба супруга ни за что бы не променяли раз и навсегда выбранную службу Родине на салфеточки и фарфоровых слоников на комод.

Слоники и фикус у окна... Уже задремав, Максимов улыбнулся, вспоминая о матери. Она всю жизнь ждала мужа, тоже посвятившего жизнь военной службе, много лет провела она в этой квартире в надежде, что хоть раз в полгода он вырвется домой, в Москву. Вот так же и сын: живет теперь походной жизнью, такой же неугомонный и энергичный. Непоседа-егоза – как называла Игоря их домработница Фрося. Да, не мог Максимов сидеть без дела, не умел он отдыхать. Терпеть не мог такого досуга, как рыбная ловля или загорание на пляже санатория РККА.

Вот и сейчас, после того как части корпуса, которым командовал Максимов, заняли позиции, командир не сидел без дела. Когда наступала ночь, когда он возвращался к себе после объезда частей, после решения огромного количества вопросов, лежащих на плечах командира корпуса, Максимов садился за карты, изучал район боевых действий, знакомился со свежими разведанными. Он пытался предвидеть развитие событий, исходя из данных о противнике и планов своего командования. Что могут предпринять немцы, как используют имеющиеся силы Ставка и командование армией, какой приказ от командования может поступить.

Дверь тихо открылась, на пороге появился адъютант. Подошел к Максиму, тронул его за плечо.

- Товарищ генерал, Мария Николаевна приехала.
- Что? – Максимов поднял голову и потер ладонями лицо.
- Ваша жена приехала.
- Да, хорошо! Спасибо, Андрей!

Генерал потушил лампу на рабочем столе и направился в свою комнату. Маша, повесив на вешалку портупею с кобурой, засучив рукава гимнастерки, протирала стол. Увидев мужа, улыбнулась, обхватила его руками за шею, прижавшись щекой к его щеке. Максимов ощутил неистребимый запах медикаментов, который все эти годы исходил от волос и одежды Маши.

– Опять у вас беспорядок в комнате, товарищ генерал, – тихо шепнула жена.

– Виноват, товарищ майор медицинской службы, – Максимов посмотрел в ее уставшие глаза. – Ты же знаешь, Машенька, что я не люблю, когда кто-то вторгается в мое личное пространство. Помыть полы – это одно, но трогать что-то на моем столе или заправлять мою кровать непозволительно никому.

– У тебя глаза красные, – сказала Маша и провела пальцем по щеке мужа. – Много работы в связи с передислокацией корпуса?

– Конечно. Да ты садись, устала же с дороги. Сейчас Поляков принесет горячий чайник, мы с тобой посидим. Хоть насмотрюсь на тебя. Ты тоже уставшая. Как там у вас, в госпитале?

Вежливо постучав, старший лейтенант Поляков вошел с горячим чайником. Мария улыбнулась, поблагодарила адъютанта. Она смотрела, как муж разливает чай по стаканам, радуясь, что Максимов сохранил их любимые подстаканники. И снова все как прежде, как до войны, когда они сидели дома, в Москве, под зеленым абажуром на кухне. Так же тихо разговаривали, делились новостями, вспоминали прошлое. И тогда на душе становилось очень спокойно, и казалось... нет, не казалось, а действительно появлялась удивительная уверенность, что с ними ничего не случится, что они выживут на этой войне и доживут до победы. Какой она будет? Когда? Не важно, главное, что она придет и что они будут вместе. Войны проходят, но жизнь не останавливается. Она, как росток, пробьется через обожженную почву или старый асфальт, изрытый танковыми гусеницами.

Глава 2

Дождь все никак не начинался. В сквере на Москворецкой набережной повисла вечерняя влажная тишина. Низкое пасмурное небо простерлось над Кремлем, готовое вот-вот разрядиться сильным майским ливнем. В воздухе витал аромат роз, от которого хотелось замереть на месте и закрыть глаза. Майор Буров оперся о парапет набережной и потер ноющее плечо. Рука зажала, но недавняя рана каждый раз перед дождем напоминала о себе.

Судьба берегла Ивана Букова, хотя бросала его из огня в огонь. В 16 лет он ушел на Гражданскую войну. И здесь открылись его таланты. Сначала – самый молодой взводный в дивизии, потом – ротный, он приглянулся командованию умением мыслить нестандартно, желанием учиться. Потом командирские курсы, академия и Дальний Восток, где пришлось не только впервые столкнуться с вражеской армией, но и противостоять вражеской разведке, учиться агентурной работе, налаживать собственную контрразведку.

Потом Испания, финская война и... арест. Месяцы следствия, обвинение. Потом освобождение, возвращение наград и звания. Однако в душе остался осадок, что происходит что-то неправильное. Нельзя вот так запросто бросать в камеру заслуженного человека, облеченного доверием, службой доказавшего свою преданность Родине и партии. Да, извинились, объяснили, что такое время, что кругом враги. Но все же...

Май 1943 года Иван Буров встретил пока что майором, правда, в штате нового Главного управления контрразведки Смерш Наркомата обороны.

Потирая ноющую выше локтя руку, Буров смотрел на спокойную, будто уснувшую воду Москвы-реки. Она пока еще спокойная, но вот разразится гроза, обрушится ливень, ветер станет ломать ветки деревьев, сдирая с них молодую листву! Затишье перед бурей.

– Иван Николаевич? Ты? – раздался рядом сиплый мужской голос.

Буров обернулся и увидел невысокого коренастого мужчину в кепке. Пустой правый рукав пиджака засунут в боковой карман. Майор узнал его – Игорь Левадин. Два года в Испании почти бок о бок. Несколько совместных операций, диверсии в тылу франкистов, помощь республиканцам в борьбе против немецкой разведки, активно действовавшей в обожженной войной стране. Буров хотел схватить старого товарища за плечи и прижать к себе, но не решился. Не захотел ощутить пустой рукав, распознать калеку в человеке, которого до этого знал полным сил.

Левадин улыбнулся, протянул для рукопожатия левую руку и посмотрел в глаза Букову.

– Что руку трещь? – спросил он. – Раны болят перед непогодой? Это, брат, ничего, поболят и перестанут. Хорошо, есть чему болеть. А я вот, как видишь, вышел в тираж.

Пошарив рукой в кармане, Левадин достал пачку «Казбека», ловко извлек папиросу и бросил ее в угол рта. Буров поспешно достал спички и дал прикурить товарищу.

– Где тебя так угораздило? – спросил он, кивнув на пустой рукав.

– Прошлой зимой, – поморщился Левадин, – в Заполярье. Работали против финской и норвежской агентур. Ранили, больше суток полз к своим. Так что к ране еще и обморожение добавил. Хорошо хоть выкарабкался, а мог бы и сгинуть. Теперь только лекции читать в домоуправлении о пользе чеснока и квашеной капусты в рационе пожилых людей.

– Что, совсем от дел отошел? – удивился Буров. – Ты же классный специалист! Как это тебя могли так сразу списать? Может, словечко замолвить за тебя?

– Не надо, Ваня, лучше не надо, – покачал головой Левадин, глядя мимо собеседника на темную воду Москвы-реки. – Говорят, ты под арестом побывал. Оправдали, выпустили? Только я тебе так скажу, старый мой друг, – такое не забывается. От суммы да от тюрьмы у нас не зарекаются. Найдется «добрый» человек, напомним. А органы у нас, как известно, просто так никого не сажают. Да и я чудом на свободе остался, помогло, что ранен был и что успешно

мы работали на севере. Я ведь, Ваня, одному хлысту, сынку генеральскому, по морде съездил. Если бы не мое ранение, лес бы сейчас валил на Колыме или черви меня бы ели в земле. Так-то. Как говорится, не буди лихо, пока оно тихо. Ты не думай, что я пропаду или сопьюсь. Ничего, мы еще повоюем. И без руки повоюем! Есть у меня одна идея. Говорить не буду, чтобы не сглазить. Через два дня обещали меня принять, заслушать. Так что давай...

Левадин снова крепко пожал Бурову руку и, отшвырнув в сторону окурков, бодро зашагал по набережной. Иван долго смотрел вслед старому товарищу и увидел, как тот, отойдя на значительное расстояние, сбавил шаг с уверенного и бодрого на унылый и неторопливый. «А ведь соврал он мне, – догадался майор. – Нет у него никакой идеи, никто его не примет и не заслушает».

– Гражданин, предъявите документы! – раздался за спиной властный голос.

Буров обернулся. Лейтенант и два сержанта с винтовками – милицейский патруль. С самого начала войны их стало много вокруг Кремля и в тех районах, где располагались советские наркоматы. Лейтенант ждал, настороженно глядя в мужественное лицо незнакомца. Призывной возраст, а не на фронте. «Бронь» оборонного завода? Ответственный работник наркомата? Почему гуляет, когда вся страна трудится не покладая рук? Подозрительно.

Майор вытащил из нагрудного кармана красную книжечку и показал патрульным. При виде крупной надписи на обложке лейтенант сразу же подобрался.

*НКО
Главное управление
контрразведки
«Смерш»*

Буров ожидал, что милиционер козырнет и отправится дальше патрулировать район, но, к его приятному удивлению, лейтенант не удовлетворился только корочкой удостоверения. Пришлось открыть красную книжечку и дать возможность начальнику патруля сверить запись и фото обладателя удостоверения с его личностью.

– Прошу прощения, товарищ майор, – козырнул лейтенант. – Служба!

– Все правильно, – одобрительно кивнул Буров, пряча удостоверение в карман.

Он шел по набережной быстрым шагом и думал о своих ребятах. Как неудачно в такое тяжелое время начальство разобщило их слаженную группу. Сам Буров был ранен и почти месяц лечился. Кирилла Митькова оставили в распоряжение управления, а Гробового и Косовича отправили куда-то на Северный Кавказ на усиление.

Старший лейтенант Поляков стал адъютантом генерала Максимова всего три месяца назад. Поначалу он воспринял это назначение чуть ли не как позор. Встретив войну рядовым в Западном Особом военном округе, Андрей со своим подразделением несколько раз выходил из окружения, отражал танковые атаки и шел на восток, отмеряя натруженными ногами километры своей родной земли, которую оставлял врагу. Несколько раз он вместо погибшего командира взвода, а потом и роты поднимал бойцов в контратаки. После легкого ранения его отправили в военное училище.

А потом снова бои, Ржев. Взводный командир Андрей Поляков был трижды в течение месяца ранен, но ни разу не покинул позиции, оставаясь в окопах вместе со своим взводом. Потом его все же свалила лихорадка, появилась угроза заражения крови, и тогда молодого лейтенанта эвакуировали в госпиталь. Назначая его адъютантом, командование оговорило, что это временно. Однако и эта его должность не курорт, а напряженная и очень важная служба. Как сказал тогда кадровик, старый подполковник: «Адъютант генерала – это его первый помощник по всем вопросам. Это человек, который все знает, все помнит и все может. Иногда – даже заменить генерала в бою. Много таких случаев было и в эту войну, и в прошлую,

и в Отечественную 1812 года. Адъютантами всегда назначали самых опытных, самых умных и умелых офицеров. Так-то, сынок!»

Шаги в коридоре заставили Полякова нахмуриться. Эх, война, ну хоть еще пять минут Игорю Викентьевичу дали бы побыть с женой. Неужели нарочный с приказом из штаба армии?

Дверь распахнулась, и на пороге появился оперуполномоченный Смерша капитан Серов.

– Генерал у себя? – небрежно спросил он. – Доложи!

– Это срочно? – осторожно уточнил адъютант. – Просто к Игорю Викентьевичу жена приехала.

– Да ты что? – капитан сделал изумленное лицо. – Вот люди, и дня не могут на войне без баб обойтись.

– Мария Николаевна – майор медицинской службы, – побледнев и еле сдерживая нахлынувшую злость, проговорил Поляков. – Она не баба.

– Малыш, как будто майоры бабами не бывают, – усмехнулся Серов.

– Товарищ капитан! – не выдержал наконец Поляков. – Я попрошу вас воздержаться от такого рода замечаний. Я боевой офицер, а не «малыш»! Я с 41-го года на передовой!

– Ладно, ладно! – усмехнулся Серов. – Я же понимаю, кому-то и здесь надо... служить. Доложите генералу, мне срочно нужно подписать у него бумаги на арестованных и переданных под следствие военнослужащих. Утром за ними придет машина.

– Товарищ капитан, генерал просил его не беспокоить до 23 часов. Если можно, если это не большая срочность, то я просил бы вас отнестись с пониманием к семейному человеку и зайти попозже. Как только уедет Мария Николаевна, я сразу же доложу генералу о вашей просьбе.

Седов смерил адъютанта недовольным взглядом, побарабанил пальцами по черной папке, задумчиво свел брови. Потом молча кивнул и вышел. Поляков потер руками виски и с шумом выдохнул. Есть, конечно, на свете неприятные люди, но чтобы вот так, каждый день сталкиваться с подобными типами – это уже выше его сил. Лучше с немецкими танками. Надо все же снова попробовать подать рапорт. Вот закончу курс уколов и подам. Воспаление, кажется, прошло. Осталась всего неделя. В линейные части, на передовую!

Времени было без пяти минут одиннадцать, когда водитель доложил Полякову, что машина для Марии Николаевны стоит у здания штаба. Тут же из комнаты связи высунулась голова одной из дежурных связисток:

– Товарищ старший лейтенант, генерала Максимова из штаба армии. Срочно!

Когда Максимов, как всегда строгий и подтянутый, бодро спускался по ступеням штаба к машине, к нему торопливо подошел капитан Серов. Генерал глянул на оперативника с неудовольствием, но все же остановился.

Сотрудники войсковой контрразведки Смерш, как и раньше особисты, напрямую командирам частей и соединений не подчинялись. Тем не менее работать приходилось сообща и выстраивать отношения тоже. Нередки были случаи, когда по просьбе командира в его части меняли особиста, который начинал вести себя без должного уважения к человеку старше его по званию, терял гибкость и чувство такта. Однако еще чаще неприятности из-за несложившихся отношений были у самих командиров.

С капитаном Серовым Максимов сталкивался не так часто. Тем не менее успевал ловить в интонациях оперуполномоченного признаки высокомерия, пренебрежения к окружающим. Нет, капитан не пытался давить, не скатывался к откровенному хамству или угрозам. Но Максимов чувствовал в нем человека неприятного и не очень умного. Однако приходилось терпеть. Генерал пока не считал нужным выходить на руководство Смерша армии с просьбой убрать от него Серова, сменить его другим офицером. Трудно будет сформулировать причины. Одними чувствами и предположениями в боевой обстановке не отделаешься. Нужны факты и серьезные аргументы.

– Слушаю вас, товарищ капитан! – сухо сказал Максимов.

– Я просил вашего адъютанта сообщить вам, что мне срочно нужно подписать у вас документы, товарищ генерал. Завтра утром придет машина за подследственными – трусами и изменниками.

– Вину каждого установит военный трибунал. Я полагаю, что раньше времени не стоит навешивать на людей ярлыки. Давайте считать всех, о ком вы говорите, подследственными. Ничего с ними не случится. Отправите в другой раз. Меня срочно вызвали в штаб армии.

– Поручите подписать документы вашему заместителю.

– Корпусом командую я! – повысил голос Максимов. – Я лично подпишу документы на каждого бойца и командира. И лично буду держать на контроле ход следствия.

– Это не в ваших полномочиях, – в интонации капитана мелькнуло ехидство.

– Все, что касается моего корпуса вообще и личного состава в частности – в моих полномочиях! – отрезал генерал. – Вы свободны, товарищ капитан!

Под натянутой маскировочной сеткой раскинулся целый палаточный городок. Дымили полевые кухни, прибывали и снова уезжали легковые автомобили начальства, грузовики с имуществом и бойцами. Здесь, на разбомбленном немецком аэродроме подскока были сосредоточены материальная база и командование финальной стадией операции «Конверт».

Радиоигра с Абвером, который пытался разбросать свои сети на Северном Кавказе, тянулась полтора года. И сейчас близилась к завершению. Силы Красной армии были нацелены на прорыв Голубого вала и начало освобождения Крыма. Финальной стадией операции был захват резидента Абвера и наиболее значимых фашистских пособников.

Офицеры Смерша прибывали сюда последние два дня. Крепкие, сильные, опытные, они первым делом чистили личное оружие и только потом падали на приготовленные для них солдатские кровати и засыпали мертвым сном. Почти все были подняты по тревоге, многие не спали перед этим сутками. Командование давало им время на отдых и акклиматизацию, потом – распределение по группам, инструктаж и выход в определенную для каждой группы зону.

На капитанов Гробового и Косовича, прибывших из Главного управления контрразведки Смерш, посматривали с уважением и интересом. Многие были с ними знакомы по прошлым делам на разных участках фронта.

Сбор группы майора Игнатьева был назначен через два часа. Угрюмый и недовольный Гробовой молча осматривал и чистил чужой, выданный ему здесь автомат «ППС». Свое табельное оружие он взять из Москвы не успел, чем был крайне недоволен.

Косович, сбросив сапоги, лежал на кровати в трусах и майке, смотрел на друга и напарника и философствовал. Два старших лейтенанта с Белорусского фронта чистили рядом оружие и посмеивались.

– Ты, Федор, не понимаешь главного в жизни! – рассуждал Косович, гоня во рту спичку из угла в угол. – Ведь что есть личное? Причем это касается и личного оружия тоже! Личное порождает собственнические настроения, жадность, а порой и зависть окружающих. Если у тебя есть личное, обязательно найдется кто-то, кто осудит тебя за то, что это твое личное лучше, чем его собственное личное. И пошло недовольство, пошли вражда и мордобой. А с твоими кулаками, Федя, это уже не просто драка, это уже природный катаклизм и угроза человечеству.

– Федя женщин не бьет, так что выживем, – засмеялся один из оперативников.

– Это да, – тут же согласился Косович. – К женщинам у Федора отношение неоднозначное. Я бы сказал даже, Федор женщин не замечает и где-то внутренне презирает. Не бьет, говорите, а вот вопрос – почему? Что является его внутренним стопором в этом важнейшем философском моменте?

– Балабол, – угрюмо пробасил Гробовой. – И бабник.

– Э-э, с этим заключением я не согласен, – живо возразил Косович. – Бабник – это слишком общее определение. Я бы назвал себя ценителем женской сути в нашем суровом мире. Ведь что есть женское начало и какое оно занимает место?..

– Это ты про медсестру Валечку из госпиталя? – спросил другой оперативник. – Видел, как ты ее глазами поедал и военного инженера локтем отпихивал. Срслось, что ли, у вас? Ты же вроде с утра куда-то бегал? Не к ней, часом?

– Неуместный вопрос, товарищи! Не могу ответить, чтобы не компрометировать даму.

– Ясно, – захохотал оперативник.

Грбовой повернул голову и грозно посмотрел на шутника – тот сразу поперхнулся и снова занялся автоматом. Федор знал, куда бегал его друг и напарник. И что означала фраза, что Косович какого-то военного инженера локтем отпихивал. Этот самый военный инженер, считавший себя несравненным красавцем и непревзойденным любовником, ущипнул медсестру за неприличное место и оскорбил неприличным предложением. Это при всех Косович его локтем оттирал и внимание на себя отвлекал. И видел, как девушка чуть не плачет от стыда и страха. А потом Косович быстро сбегал в расположение инженерной службы, вызвал хама и, прижав его к стене, схватил стальными пальцами за горло, заявив, что приберет его при первом же удобном случае, если только услышит, что тот домогается Валечки или другой девушки из расположения части. Когда его собеседник возмутился и стал угрожать, Косович просто сунул ему под нос удостоверение офицера Смерша, и тот замолчал, побледнев.

– Группа майора Игнатьева, на выход! – крикнул пробежавший мимо лейтенант с перевязанной рукой.

Смех в палатке сразу прекратился. Офицеры стали быстро одеваться. Через три минуты они выбежали наружу и встали в шеренгу из десятка бойцов возле запыленной полуторки. Невысокий майор в очках, с очень невоенной походкой, вышел перед строем:

– Товарищи офицеры, мы выдвигаемся к станице Плешаковской. Машина высаживает нас на опушке с восточной стороны леса и возвращается в расположение. От леса тремя группами мы расходимся по позициям. Задача нашей группы простая, но и самая опасная. Мы с вами будем находиться на пути отхода диверсантов в случае их боестолкновения с нашими боевыми группами. Немцы и их пособники будут отчаянно сопротивляться. Терять им нечего. Наша задача – взять как можно больше пленных. Вопросы?

– Разрешите, – поднял руку высокий офицер на правом фланге. – Старший лейтенант Погорельцев. Места наших «лежек» определены или мы их выбираем сами?

– После высадки я раздаю вам карты, мы наметим примерное место засады каждой группы. Еще вопросы?

– У меня вопрос. Капитан Косович. Как мы определим, что перед нами враг, а не наше подразделение и не случайные военнослужащие Красной армии?

– Не знаю, – ответил Игнатьев. – Это не армейская операция, поэтому привлечены только оперативники Смерша. Только ваш опыт и смекалка, только ваша наблюдательность сможет подсказать, кто перед вами. Решать будете на месте в каждом конкретном случае. Еще вопросы?

– Нет вопросов, – ответил Косович. – Понятно – «частое сито»!

Генерал Максимов ехал в штаб 65-й армии, размышляя, что стоит за этим неожиданным вызовом. Корпус только недавно занял позиции на Севском направлении, принял пополнение, материальную часть. То, что назревали серьезные события, Максимов и сам понимал. Видимо, в штабе армии собирают какое-то совещание, чтобы ввести в курс дела высший командный состав, поставить общую задачу военного и политического характера.

Павла Ивановича Батова он знал с октября 1942 года, когда была сформирована армия и Максимов принял под свое командование мехкорпус. Был Сталинград, была операция «Кольцо», когда корпус понес серьезные потери, но выстоял и не пропустил к окруженной гит-

леровской группировке танковые армады противника. Потом армию вывели в резерв Ставки Верховного главнокомандования. Передышка была недолгой, в начале февраля армию перегруппировали на Орловское направление в район Ольховатки, Хмелевского, Тифинского и включили в состав Центрального фронта.

Адъютант провел Максимова по коридору к кабинету командующего, а не в зал совещаний командного состава.

«Значит, не совещание, значит, вопрос касается только моего корпуса».

Сняв в приемной шинель, Максимов вошел в кабинет. Там были только двое: сам Батов и новый член Военного совета армии генерал-майор Радецкий, плечистый мужчина с крупной бритой головой.

– Товарищ генерал-лейтенант, генерал-майор Максимов по вашему приказанию прибыл.

– Хорошо, что быстро прибыл, – Батов подошел к гостю и пожал ему руку. – Дело важное и срочное. Впрочем, как всегда. Вы еще не знакомы? Прошу знакомиться: генерал-майор Радецкий, член Военного совета армии.

Поздоровавшись с Радецким, Максимов подошел к столу и сел на предложенный стул. Батов вернулся за свой рабочий стол и сложил на нем сжатые в кулак руки. Шевельнулись желваки на его худощавом лице, обозначились глубокие складки возле рта. Но в глазах командующего, кроме усталости, чувствовалась и огромная энергия. Как это могло сочетаться в одном человеке! Видимо, уставшее тело никак не мешало движению мысли, мозг командующего работал не переставая. Армия и фронт находились в преддверии больших событий. Максимов знал это, чувствовал.

Радецкий сел напротив Максимова и, не скрываясь, разглядывал его с большим интересом.

– Я вызвал вас, Игорь Викентьевич, по очень серьезному вопросу, – начал говорить Батов. – Мы с вами воюем вместе меньше полугода, но я успел оценить ваши способности как командира корпуса. Да и о вашей прежней службе наслышан. Разумеется, прежде чем было подписано ваше назначение в армии, я наводил о вас справки. Вот Николаю Антоновичу только что о вас рассказывал. И мы пришли к единому мнению, что можно вам поручить одно очень важное и опасное дело.

– Совершенно верно, – поддержал командующего Радецкий и вдруг улыбнулся открытой обезоруживающей улыбкой. И сразу обстановка в кабинете перестала быть напряженной. – И командующий армией, и другие командиры, в чьем подчинении вы воевали с начала войны, характеризуют вас как грамотного, умелого и инициативного командира. Вы владеете навыками маневренного боя, управления войсками в самых сложных боевых условиях. И вы вполне справитесь с задачей, выполнять которую придется в отрыве от основных сил армии.

– В отрыве? – Максимов удивленно посмотрел на Радецкого, потом на Батова. – Рейд?

– Совершенно верно, – удовлетворенно кивнул командующий армией и обменялся взглядом с членом Военного совета, как будто сказал ему, что вот, я же говорил вам. – Подойдем к карте!

Генералы подошли к стене, где, закрытая занавеской, висела карта участка фронта от Орла до Харькова. Хорошо был виден выступ в обороне советских войск в районе Курска. Батов обвел его тыльной стороной карандаша и повернулся к Максиму:

– Вы прекрасно понимаете, что у фашистов появилось желание этот выступ срезать и организовать нам приличный «котел» под Курском. Это даст им возможность разгромить три фронта, и тогда, как они полагают, путь на Москву будет снова открыт. Более того, эта операция за счет спрямления линии фронта позволит вермахту высвободить значительные силы, которые нужны им на юге, где развивается наступление на Украине. А еще им нужны резервы для того, чтобы остановить наши войска под Ленинградом. Рвется колечко! Прорываем блокаду. Город вздохнул свободнее!

– Есть планы Ставки, как воспрепятствовать немцам здесь, под Курском?

– Есть! – кивнул Батов. – Фронтовая разведка подтверждает это по составу войск, которые немцы сосредотачивают на направлениях главных ударов. Есть сведения: идут подкрепления из Германии и из Скандинавии. Взбесившийся фюрер никого не слушает, не верит своим генералам, требует срезать Курский выступ.

– А силенок-то у него уже маловато, – с улыбкой добавил Радецкий. – Это вам не лето 41-го.

– Так какова же моя задача? – спросил Максимов. – Разведка сил противника?

– Не только разведка. Задача несколько сложнее, Игорь Викентьевич, – Батов взял Максимова за локоть и вернулся к столу. – Прошу садиться. Видите ли, состав частей и соединений мы приблизительно знаем. Мы дадим вермахту возможность атаковать, попытаться взять инициативу в свои руки. Однако встретим мы его так, как еще ни разу не встречали. Все возможные средства – на танкоопасных направлениях и направлениях главных ударов. Оборона армий выстроится в три линии, дальше – линия обороны Центрального фронта, за спиной, как стратегический резерв, армии Степного фронта, которые перекроют возможные фланговые удары, поддержат в случае необходимости силы передовых фронтов. Ну а на завершающем этапе, когда мы обескровим врага, измотаем его, выьем танки, фронты перейдут в контрнаступление и завершат уничтожение группы армий «Центр». Гитлер нам как будто сам предлагает это решение, сам кидает основные и невосполнимые силы в нашу мясорубку.

– На стадии подготовки операции и в процессе ее выполнения, – добавил Радецкий, – мы рассчитываем на помощь партизан в немецких тылах. И немцы это поняли. От Брянска до Харькова начались массовые карательные операции. Немцы бросили значительные силы на борьбу с партизанским движением, жгут села при малейшем подозрении в связи жителей с партизанами. Зверствуют не только фашисты, но и украинские националисты, которых их хозяева бросают на партизан.

– Ваша задача, генерал Максимов, задача вашего корпуса – нанести отвлекающий удар, имитировать на начальном этапе рейда наступление наших войск. Затем пройти по тылам с боями: уничтожить тыловые склады, штабы, дезорганизовать, нарушить управление, отвлечь на себя силы врага. За это время партизанские отряды передислоцируются, выведут из-под удара свои соединения. У нас появится возможность вывезти раненых, подбросить партизанам оружие, снаряжение, взрывчатку, инструкторов. В это же время будет произведен массированный удар по аэродромам противника. Мы нанесем люфтваффе максимальный урон. На момент главного удара активность немецкой авиации должна быть сведена к минимуму. Спутаете планы врага – это залог успеха будущей оборонительной, а главное, наступательной операции под Курском. Но, Игорь Викентьевич, об истинных целях рейда знаете только вы один. Для всех это начало общего наступления наших войск, которое, по разным данным, то ли продолжится, то ли мы от него отказались, и один ваш корпус застрял в немецких тылах. Да и о предстоящем прорыве вашего корпуса будут знать единицы.

Максимов вернулся к себе лишь под утро, предупредив по телефону, чтобы к его приезду собрались на совещание начальник штаба, начальник оперативного отдела штаба, замполтех и командиры частей. Голос адъютанта Полякова, несмотря на предутренние часы, был бодрый. Это Максимова порадовало. Он вообще был доволен своим адъютантом, его не просто исполнительностью, а очень толковой исполнительностью, умением понимать без слов и на два шага вперед.

Устный приказ пока звучал так: в течение трех суток подготовить корпус к длительному маршевому переходу с возможным столкновением с врагом. Подготовка материальной части, полная заправка, в танках полуторная загрузка боеприпасов, личному составу получить сухой паек из расчета на трое суток. Через трое суток командирам частей быть готовыми к передаче

позиций другим частям. Порядок движения колонн будет определен непосредственно перед выходом корпуса.

Многих командиров как раз удивила эта формулировка. Если корпус передислоцируется, то следует, как и положено, отдавать приказ на создание боевого охранения во время движения, определять план движения техники, время прибытия на промежуточные пункты, квартирьерские вопросы, питание личного состава на местах ночевки. А еще на время маршей создаются планы противотанковой обороны, химической защиты, противовоздушной обороны движущихся войск. Однако в армии принято выполнять приказы без разговоров, и командиры отправились по своим частям. Максимов остался со своим штабом.

– Арам Акапетович, – обратился он к начальнику оперативного отдела штаба майору Аганесяну, – немедленно отправляйтесь в штаб армии и получите карты предстоящего места дислокации корпуса. Там вас ждут.

Начальник штаба полковник Величко не сводил глаз с командира и, когда они остались вдвоем, не удержался, спросил:

– Что происходит на самом деле, Игорь Викентьевич?

– Ну, теперь я могу сказать, – усмехнулся командир корпуса. – Вам-то положено знать с самого начала. Мы получили особый приказ, Олег Иванович. Корпус сдает позиции, прорывает немецкую оборону и выходит с рейдом в оперативные тылы группы армий «Центр».

– Только мы?

– Да, одним корпусом. Поэтому прошу вас уже завтра подготовить документацию, которую мы сдадим на хранение в штаб армии. То, что нельзя таскать с собой по тылам. Строевую документацию, финансовую. Ну, вы прекрасно все знаете и без меня.

– Мария Николаевна знает?

– Нет, она как раз уехала, когда меня вызвал Батов. Да лучше пока ей и не знать. Спокойнее будет. А когда узнает, глядишь, нам уже и возвращаться пора настанет.

– Немцы будут пытаться срезать Курский выступ? К нам пока не поступали разведсведения за последние несколько дней.

– И не поступят. Да, есть приказ ОКВ¹. Гитлер настоял на своем, хотя генералы, включая Кейтеля, отговаривали его от такого опрометчивого поступка.

Когда офицеры разошлись, Максимов некоторое время сидел, глядя на карту. Место прорыва определено, маршрут известен: перечень ударов по фашистским штабам, складам, коммуникациям. Возможны отклонения в связи с изменяющейся обстановкой в тылу. Место выхода через линию фронта к своим. Запасной вариант, предполагавший удар войск армии навстречу прорывающемуся с боями корпусу. Вроде бы все определено, осталось заняться интенсивной подготовкой к операции в условиях жесточайшей секретности.

– Поляков, – позвал Максимов адъютанта. – Вот что, Поляков, ты еще не совсем оправился от ранения, тебе уколы делать надо, так что я предлагаю откомандировать тебя в одну из частей армии. Переход будет непростым, на пределе сил.

– Товарищ генерал, я здоров и готов к службе без ограничений! – уверенно заявил старший лейтенант.

– Это ты так считаешь или врачи тебе сказали?

– Я говорю о своем самочувствии, товарищ генерал. Прошу мне верить, я все же не первый день на фронте, я боевой офицер и вполне могу рассчитывать свои силы.

– Ладно-ладно, Андрей! – Максимов примирительно поднял руки.

¹ ОКВ (от нем. Oberkommando der Wehrmacht, нем. ОКВ) – Верховное командование вермахта. ОКВ было создано в 1938 году после ликвидации военного министерства. Начальником штаба ОКВ был назначен генерал артиллерии Вильгельм Кейтель, который, несмотря на многочисленные разногласия с Гитлером, занимал эту должность до мая 1945 года.

– Игорь Викентьевич, – Поляков понизил голос и заговорил торопливо, как будто боялся, что генерал выгонит его сейчас из кабинета или прикажет остаться в штабе армии, – прошу вас поверить. Мне осталось сделать три укола, это три дня, но я совершенно здоров и могу выдержать любые нагрузки.

– Да верю я, Андрей, – улыбнулся Максимов. – Бери мою машину и дуй в госпиталь. Пусть тебе сделают положенный укол, возьми с собой необходимые лекарства. Оставшиеся укол тебе по дороге завтра и послезавтра. Раз медики велели, надо слушаться. Я позвоню Марии Николаевне, попрошу за тебя. Она все организует. И стерилизатор, и шприц, и ампулы.

– Есть, товарищ генерал, взять вашу машину, – улыбнулся адъютант.

И тут неплотно прикрытая дверь за спиной Полякова открылась, и в кабинете появился капитан Серов. Он вошел неслышно, можно было даже предположить, что особист какое-то время стоял за дверью и слушал разговор генерала с адъютантом.

– Разрешите, товарищ генерал? – с улыбкой осведомился Серов. – Что, молодые офицеры рвутся в бой?

– Идите, Поляков, – кивнул Максимов и повернулся к особисту. – Слушаю, что у вас, товарищ капитан?

– Подпишите, пожалуйста, документы, и отправим этих трусов, дезертиров и самострельщиков. Получат по заслугам, и мы с вами не будем оглядываться на предателей в наших рядах.

– Предатели, враги? – хмуро переспросил Максимов, потом решительно сел за стол и протянул руку. – А ну, давайте сюда ваши документы.

Серов, продолжая улыбаться, неторопливо подошел к генералу, положил на стол папку и стал доставать оттуда по одному листу с постановлением об аресте военнослужащего. Максимов взял первый листок, бегло пробежал глазами данные солдата, описание совершенного им преступления и поднял глаза на особиста.

– Это Антипенко враг? Вот этот мальчишка, который только школу окончил, который не дрался ни разу в жизни? Который во время своего первого боя дрогнул? Он враг? Изменник Родины? Да он мальчишка, он доброволец, между прочим. Испугался – так тут война, тут стреляют, убивают и калечат!

– Тут Родину защищают, – особист стал серьезным.

– Так он и хочет защищать, он плакал и просил простить, он рвется в бой, чтобы смыть позор. Ему перед матерью стыдно, перед девушкой, которой он еще месяц назад стихи читал. Для командира его солдаты что дети. Их беречь, любить и понимать надо. Им помогать надо, их воспитывать надо, а не в трибунал при первом же удобном случае! Это кто? Фролов, артиллерист? Лошадь у него ногу сломала, орудие утопили в болоте. Вы его вредителем хотите сделать? А вы помните тот переход, когда весь корпус трое суток не спал? Люди валились с ног, кони падали. Это у вас кто? Храмов, старый солдат, финскую прошел, а вы его обвиняете в том, что он самострельщик, что он умышленно себе ногу прострелил, чтобы в атаку не идти. А вы знаете, что Храмов повздорил с Котельниковым, поймал его за воровством казенного имущества, и не стал командирам докладывать, а просто в морду дал. По-солдатски воспитывал. Не прав, согласен! Но так ведь оговорили Храмова. Храмов ранение получил в самом начале атаки, у самого своего окопа. Неужели на месте разобраться нельзя, обязательно надо передавать дело и заводить следствие? Вот что, товарищ капитан Серов! Нет у меня в корпусе врагов! И предателей нет! Все пойдут со мной через три дня в бой. Кто виновен, искупят кровью, а если погибнут, так погибнут, Родину защищая, как честные советские люди. Без позора! Все, вы свободны! Задержанных освободить, вернуть в подразделения!

– А вы не бойтесь, что вот эти ваши честные вам же в спину и выстрелят? – прищурился особист.

– Мне? – Максимов сделал большие глаза. – Мне никто из моих солдат не выстрелит в спину. Со мной они в бой пойдут и умирать будут за Родину рядом со мной. Я верю своим солдатам. И мне очень жаль, что им не верите вы!

Глава 3

К ночи похолодало, стал подниматься неприятный пронизывающий ветерок. Косович и Гробовой лежали, завернувшись в армейские плащ-палатки. У каждого перед собой лежал автомат, но опытные оперативники надеялись больше не на оружие. Брать диверсантов надо только живыми. Это даже не столько профессиональная этика и гордость, сколько крайняя необходимость. Любой диверсант – это источник сведений о тех, кто его готовил, как забрасывал. Это сведения о системе и людях, которые в системе работают. А еще диверсант, прибыв на место, как правило, должен легализоваться, если это не разовая диверсионная акция. Значит, его кто-то здесь ждет, у него есть связь, есть пособники или ранее брошенные агенты, есть конспиративные квартиры.

Все эти сведения есть у живого диверсанта. У мертвого нет ничего, кроме экипировки, особенности которой мы знаем давно, и документов (их способ изготовления тоже хорошо известен Смершу). Ну и личность, если ее удастся установить и вычеркнуть из списка действующих агентов. Труп – это очень мало информации, мизер. Трупы никому не интересны. Разве что высокому армейскому начальству для удовлетворения, что вот еще один диверсант-разведчик уничтожен и на этом участке нет утечки данных в преддверии предстоящего наступления.

– Дурацкая погода, – проворчал Косович, укладываясь поудобнее. – В такую погоду слон мимо пройдет, не услышишь.

– А глаза тебе на что? – флегматично отозвался Гробовой.

– Тихо, Федя, – зашипел Косович. – Кажется, кто-то есть.

– Где? – оживился напарник.

– Направление «на два часа» на опушке леса. Куст шевельнулся, потом темное что-то показалось и легло.

– Звука перестрелки не было, – напомнил Гробовой. – Может, собака.

– Может, – согласился Косович. – Основную группу могли повязать и втихую, а эти ушли.

Смотри – еще! Ну что, собаки?

– Трое, – Гробовой пропустил иронию напарника мимо ушей. – Смотри-ка, лесом не пошли. Там бы они на нашу засаду наткнулись. Опушкой прошли, по оврагу к реке спустятся. Их ведет кто-то, наверняка местный.

До неизвестных было около четырехсот метров, надо принимать решение. Ясно, что это не селяне, не рыбаки и не грибники. Оружия на таком расстоянии не разглядеть, а биноклем пользоваться нельзя. Солнце может из-за туч на короткое время выглянуть, и блик стекла выдаст засаду.

– Федька, в овраге брать надо, – посоветовал Косович.

– Они не дураки, один по кромке оврага пойдет, наблюдать будет, а двое к реке спустятся.

Там камышами можно по мелкой воде уйти.

– Давай так: я маскируюсь на краю и беру наблюдателя, а ты тех двоих внизу, я на скорую руку разбираюсь со своим и – к тебе на подмогу.

– Как всегда, – недовольно проворчал Гробовой. – Ладно, пошли.

Засада была устроена так, чтобы не пропустить диверсантов мимо села. Поэтому Косович и Гробовой прятались в кустарнике посреди поля. Отсюда они держали под контролем большое пространство вокруг. Диверсанты в любом случае не стали бы приближаться к селу. Там местные оперативники НКВД собрали и вооружили актив, мужиков и подростков. Взять не возьмут, но пугнуть могут.

Косович дождался, пока Гробовой исчезнет в высокой траве, и наметил свой путь к краю овражка. Нельзя выдать себя ни единым движением ветки, ни легким шевелением высокой

травы. Диверсанты себя выдали, но это потому, что они устали, потому что бегут, стараясь подальше убраться от места последнего боя.

Теперь их можно было разглядеть. Один в полевой офицерской форме, двое в гражданской одежде, обычной для этих мест: рубашка, пиджак, штаны заправлены в сапоги, на голове кепка. То ли агроном, то ли колхозный бригадир, то ли мужик выбрался в город на рынок, то ли председатель колхоза осматривает поля. Главное, чтобы ничего примечательного, не за что было глазу зацепиться. Если бы не автомат «ППШ» у одного из «гражданских» и не объемистый вещмешок у второго за спиной. А «офицер» чаще других осматривается по сторонам. Видать, у него документы самые надежные. Он первым пойдет на контакт, если кто остановит. Они – группа, точно группа. Один автомат и, возможно, два пистолета. Ничего, возьмем. Федя Гробовой и не таких ломал.

Группа небольшая, значит, оперативникам автоматы не нужны. Хорошо бы вообще обойтись без огневого контакта. Но это в идеале, а как получится, неизвестно никому.

Косович прополз на животе, обходя большие кусты, и замер в двух шагах у края овражка. Идеальное место. Дно оврага, пологое, усыпанное мелким щебнем и поросшее редкой травой. Склоны не крутые, кустарник на склонах растет редко. После весенних паводков даже в мае трава еще не поднялась в полную силу, а сушняк поломало и унесло весенними водами.

Тихие голоса, хрустнула под ногой ветка.

Положив автомат правее себя, Косович уперся ладонями в землю и напрягся, готовясь к прыжку. Слаженность с Федором у них была до того привычная, что порой не надо было никаких слов, чтобы понять, кто и как будет действовать. Что можно планировать в этой ситуации? Ничего. Неизвестно, как пойдут диверсанты – гуськом, втроем кучей или по отдельности, держа дистанцию в несколько метров?

Они шли двумя группами. Офицер и мужик с вещмешком – по днищу оврага, третий с автоматом часто поднимался по пологому склону наверх и осматривался по сторонам. Шли быстро, голова в кепке появлялась над краем оврага довольно часто. Иногда наблюдавший выбирался наверх целиком и, стоя на одном колене, прислушивался. Наверняка они опасались погони на машинах.

«Автомат лучше оставить, – мысленно оценивал ситуацию Косович. – С ним не развернешься, все равно бездумно пулять очередями нельзя. Пистолет – в крайнем случае. В самом крайнем! В идеале лишь силовое задержание. Эх, сколько было таких ситуаций, когда хотелось, чтобы “в идеале”...»

Реакция Олега Косовича не подвела. Только над краем оврага появилась кепка диверсанта, капитан весь напрягся. Незнакомец окинул взглядом окрестные поля от леса до реки и поднялся выше, так что стали видны его руки с автоматом, и тут Косович прыгнул вперед. Судя по испуганному выражению лица диверсанта, он был в панике от того, что так просто и глупо попался. Видимо, надежды выбраться у этой группы не оставалось практически совсем. Будут они драться до последнего, предпочтут смерть или в панике сдадутся, спасая свою шкуру, – вот что было сейчас главным.

Отбив локтем ствол автомата, Косович обхватил шею диверсанта сгибом локтя и прижал его ноги своей ногой, лишив возможности двигаться. Машинально противник схватил Косовича за руки, но это не могло продлиться долго. Скорее всего, диверсант возьмется за нож. Должен быть у него нож, неважно, что он не висит на поясе. Косович сдавил горло врага что есть силы, стараясь не сломать ему шею. Он успел бросить взгляд вниз и со злостью подумал, что ситуация осложняется. Офицер шел по днищу оврага первым, а «гражданский» с вещмешком следовал за ним шагах в пяти. Гробовому предстояло взять их обоих.

Косович напрягся и рывком перевалил своего противника за край оврага. Диверсант явно слабел, его рука полезла куда-то под полу пиджака. Нельзя дать ему выхватить нож! Придется

ослабить захват, и тогда борьба станет долгой, а в этой ситуации все решают первые секунды. Надо заставить противника отказаться от попытки достать нож.

Высвободив одну руку, Косович тычком ударил диверсанта по глазам. Тот вскрикнул и закрыл лицо ладонями. Ничего страшного не произошло. Просто болезненный удар, глаза останутся целыми. Однако этот нехитрый ход позволил Косовичу перевернуть своего противника на живот и коротко, с силой ударить его ребром ладони под правое ухо. Диверсант безвольно ткнулся лицом в траву.

Внизу прозвучала автоматная очередь, кто-то болезненно вскрикнул. Косович стиснул зубы, выхватил из кармана приготовленный кусок веревки с самозатягивающейся петлей, завернул оглушенному противнику руки за спину и стянул кисти рук. Теперь помочь Федору!

Федору помощь не понадобилась... Когда он обрушился на диверсантов массивным телом, те опешили, хотя и были готовы к нападению. Оценив ситуацию, Гробовой сразу понял, что мгновенно нейтрализовать двух противников он не успеет. Все же пять метров нужно преодолеть, а оба диверсанта уже схватились за оружие. Еще секунда, другая – и оба выхватят пистолеты. Надеяться, что они промахнутся на таком расстоянии, глупо. И Федор пошел самым простым, хотя и рискованным путем. Он заорал: «Сдавайтесь, вы окружены!» Воспользовавшись тем, что второй диверсант был виден ему еле-еле, Гробовой дал короткую очередь тому по ногам, потом бросился на «офицера», не дав ему вскинуть пистолет, который тот успел выхватить из кобуры. Брошенный в лицо «офицеру» автомат, потом мощный удар кулаком в голову – и Гробовой вместе со своим поверженным противником покатались по траве. Диверсант вскрикнул – Федор стиснул ему руку как стальными тисками, пистолет вывалился на землю. Еще один сильный короткий удар в челюсть, и «офицер» безжизненно растянулся на дне оврага.

Второй, зажимая окровавленную ногу, пытался отползти. Его лицо перекосила гримаса боли. В руке он держал пистолет и пытался прицелиться в оперативника. Однако выстрелить он не успел. Гробовой метнулся в одну сторону, потом в другую, ловко подхватил с земли свой автомат. Раненый выронил пистолет и откинулся на спину. Пуля, похоже, перебила ему бедренную артерию, мужик, бледнея, начал терять сознание.

Косович выругался и потащил вниз связанного диверсанта, но Гробовой уже достал упаковку бинта, разорвал оболочку и начал перетягивать раненому ногу выше раны. Главное – остановить кровь. Сейчас подоспеет помощь, придет машина, и этих гавриков отвезут куда следует. А там и врач найдется. Глядя, как напарник бинтует ногу раненому противнику, Косович поднял вверх пистолет и трижды, с равными интервалами, выстрелил в воздух – сигнал, что диверсантов взяли.

Мрачный невыспавшийся капитан Серов подбежал к Максимову и, козырнув, выпалил:

– Всего пять куполов! Самолет был один – так сообщили с поста воздушного наблюдения.

От огня нашей зенитной артиллерии он ушел.

– Хорошо, – кивнул генерал, – берите комендантскую роту и выезжайте прочесать местность. Я отправлю мотоциклистов перекрыть основные направления, по которым парашютисты могут уйти из района высадки.

Оперативник побежал к машине:

– Заводи, поехали!

Пять грузовиков с автоматчиками выехали со двора штаба корпуса. Небо над лесом светлело. Через полчаса станет совсем светло.

Серов, сидя в кабине головной машины и подсвечивая себе фонариком, разложил на коленях планшет и рассматривал карту местности.

Парашютистов засекли в районе Лосиной балки в десяти километрах южнее Семеновки. До реки Воложки пять километров, до железной дороги – все восемь. Лесами и проселками до другого ближайшего населенного пункта – двенадцать. Леса, луга, овраги, проселочные

дороги. До шоссе восемнадцать километров. Куда бросятся диверсанты? А это именно диверсанты, понимал Серов, вот только место выброски не совсем удачное. Ошиблись пилоты или, уходя от огня зенитной артиллерии, маневрировали и выбросили парашютистов, потому что иного выхода не было, боялись, что сообьют? Часто в таких ситуациях пилоты не выбрасывали диверсантов, а возвращались с ними назад. А эти выбросили. Может, самолет был поврежден? Ладно, разберемся на месте! Значит, отсечь их от реки Воложки и от железной дороги. И в Семеновку не пустить. А потом прочесать в двух направлениях местность. Через час Максимов подбросит людей, блокируем весь район высадки. Нет, не успеть им выбраться отсюда. Соседей оповестили, по линии Смерша сейчас начнутся мероприятия по оперативному розыску в тылу фронта.

Обогнув лесок, машины остановились на опушке. Серов, поставив одну ногу на подножку машины, начал отдавать приказы. Две машины ушли перекрывать выход диверсантам из зоны высадки, остальные двинулись к месту высадки. Туда, где наблюдатели видели опускавшиеся парашюты.

– Давайте с двух сторон, товарищ капитан? – предложил старший лейтенант Гузов, командир комендантской роты. – Вы с севера, я со стороны оврагов под прямым углом, сойдемся на середине.

– Нет, опасно, – подумав, мотнул головой оперативник. – Мы же можем друг друга перестрелять. У тебя полно необстрелянных бойцов: хрустнет ветка под ногой, и начнут палить в своих. Пойдем широкой цепью с севера, будем загонять их к реке. Там твои ребята, по крайней мере, нас издали увидят, с чужаками не перепутают.

Солнце поднялось над лесом, в воздухе запахло росой, защелкали птицы. Бойцы комендантской роты разворачивались в цепь на опушке леса, снимая с плеч автоматы. Командир роты Гузов и капитан Серов быстрым шагом шли вдоль редкой цепи бойцов, отдавая последние приказы и наставления. Оба хорошо понимали, что диверсантов надо брать живыми, но как заставить солдат не стрелять в ответ, если по ним откроют огонь? Одними убеждениями тут не отделаешься. Надо будет всюду успевать самим.

– Цепью, интервал пять метров, вперед!

Солдаты двинулись, внимательно глядя вперед, по сторонам, под ноги. Опытные бойцы, которых в роте тоже было немало, понимали, что диверсанты, чтобы остановить преследователей, вполне могли минировать подходы к месту своего приземления. Цепь продвигалась по лесу, то изгибаясь, то выравниваясь в шеренгу. Командиры отделений сдерживали своих подчиненных, старались держать «фронт». То здесь, то там раздавались крики – это бойцы находили что-то непонятное или неожиданное. О каждом следе или окурке было приказано докладывать незамедлительно.

Через час Серов был уже мокрый, как из бани. Он набегался вдоль цепи по призывным крикам солдат, но каждый раз тревога оказывалась ложной – или окурки очень старые, или след месячной давности. А еще через полчаса капитана подозвал командир роты Гузов. По цепи передали приказ остановиться.

– Смотрите! – старший лейтенант показал вперед, где среди ветвей виднелось белое полотнище парашюта.

– Неаккуратно, – тихо процедил сквозь зубы Серов. – Это они очень неаккуратно сделали. Спешили убраться отсюда? Струсил? Передай своим бойцам, ротный, чтобы теперь особенно внимательными были. Может, там раненый лежит: ногу сломал, не смог стянуть парашют и уйти. Они в такие минуты очень злые бывают. Понял? Давай поднимай своих орлов и за мной!

Все ближе дерево, на котором виднелся зацепившийся парашют. Цепь шла молча, было заметно, как напряжены бойцы, ожидавшие выстрелов или взрывов. И тут Серов увидел второй парашют! Он трепетал на кустах у самой опушки. А дальше в поле еще два. То их раздувало

ветерком, почти наполняя и приподнимая над землей, то обессиленная ткань снова опускалась на траву.

– Нет тут никого, – тихо проговорил Гузов, подойдя к капитану. – И не было.

Не было здесь диверсантов, не было вообще никого, только пять мягких авиационных контейнеров. Оперуполномоченный Смерша Серов действовал так, как ему предписывалось. Через два часа из штаба корпуса привезли фотографа. Заполнив начальную часть протокола об обнаружении немецких парашютов и контейнеров с указанием времени и места, а также ссылку на свидетельские показания очевидцев, капитан приступил к осмотру. На всякий случай он удалил почти всех бойцов подальше. Вполне возможно, что контейнер заминирован. Бывали и такие «подарки» от немцев. Однако сейчас Серов чувствовал, что здесь совсем другое.

Разрезав ножом шнуровку, он начал изучать содержимое контейнеров. Ему помогали трое молодых офицеров, только что вернувшихся из госпиталя и еще не получивших назначение в части. В контейнерах была гражданская одежда: комплекты для города, для деревни. Фактически можно было принять образ и инженера, и директора завода, и партийного работника, и простого пахаря. Были здесь и советские деньги, и бланки документов. Было и оружие – советские автоматы и пистолеты, патроны к ним. А еще батареи к немецкой коротковолновой радиостанции.

– Это что же, они прислали кому-то в наш тыл? – удивлялись молодые офицеры. – Значит, тут целая группа работает?

– Или готовятся к заброске, или не успели прыгнуть по какой-то причине, – добавил второй.

– Все может быть, – мрачно отмахнулся Серов.

Капитан хорошо понимал, что он совершил глупость, устроив осмотр контейнеров. По логике оперативной работы за контейнерами следовало установить наблюдение, выявить тех, кому они предназначены. Однако он осознавал и то, что стал жертвой случайности. Ведь никто не предполагал, что здесь окажутся только контейнеры. Ждали парашютистов. А уж когда на всю округу «засветилось» прочесывание местности, тогда поздно было устраивать засады. Враг теперь точно знает, что контрразведка обнаружила посылку. Теперь оправдывайся – не оправдывайся, а надо дальше работать. И Серов вскрыл очередной контейнер, поменьше.

– Машина из штаба к нам вышла, – сообщил старший лейтенант Гузов. – Двое представителей Смерша армии. А это что, документы?

– Точно, – Серов взял в руки бланк. – Наши советские паспорта, а это немецкие. Бланки, что ли...

– Так это же... – Гузов поперхнулся и уставился на фото в паспорте. – Это же... генерал Максимов?

– Но имя и фамилия другие, – машинально констатировал оперативник. – И на немецком паспорте его фотография.

Серов напряженно размышлял, разглядывая странные документы, на которых были фото командира корпуса генерала Максимова. Стопка бланков с красной полосой поперек текста и фашистский орел в углу со свастикой. На одних текст на немецком языке, на других – на русском.

*«Всем командирам частей вермахта, подразделений фельдполиции и
чинам оккупационной администрации оказывать предъявителю сего...»*

– Гузов! – Серов поднялся на ноги, отряхнул колени и строго посмотрел в глаза командиру комендантской рты. – Если ты без моего ведома хоть где, хоть во сне рот раскроешь, знаешь, что я с тобой сделаю!

– Да я понимаю, товарищ капитан, – закивал головой ошарашенный Гузов. – Секретность прежде всего. Только что же все это значит? Я же Максимова знаю, этого же не может быть...

– Много ты понимаешь, – процедил сквозь зубы оперативник. – Что может быть, а чего не может. Твое дело – молчок!

– Товарищ комиссар госбезопасности... – Буров вытянулся, докладывая о прибытии, но Абакумов жестом остановил майора:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.